

Урановые рудники, Командорские острова и выставка в Манеже

<https://oralhistory.ru/talks/orh-2138>

🎙 9 августа 2017

Собеседник

Шмелькова Наталья Александровна

Ведущий

Голицына Екатерина Андреевна

Дата записи

Беседа записана 9 августа 2017 и опубликована 18 января 2022.

Введение

Наталья Шмелькова — женщина удивительной судьбы и двух миров. С одной стороны, она родилась в семье академика, вслед за папой поступила на географический факультет, успешно начала карьеру геохимика, долгие годы работала в Московском университете и побывала в многочисленных экспедициях. С другой стороны, она мечтала стать актрисой, писала стихи и картины, ценила свои музыкальные и артистические способности, дружила с художниками, писателями и поэтами. Она написала блестящие воспоминания об Анатолии Звереве и Венедикте Ерофееве. Однако о своем творческом пути она расскажет в последующих беседах, а во время первой встречи Наталья Шмелькова вспоминает родителей, послевоенное детство, коммунальную квартиру в шехтелевском доме на Мясницкой, учебу в школе и университете и экспедиции по отдаленным уголкам страны.

Биография отца, Александра Ильича Перельмана

Наталья Александровна Шмелькова: Родилась я в 42-м году в Ташкенте. Значит, была в эвакуации с мамой и моей старшей сестрой, которая старше меня на три года. Сестра — математик. Папа в это время был на фронте. По профессии он геохимик, кончал он почвенно-географический факультет университета. С таким уклоном в геологию это было. Так что он не географ, не почвовед, а геохимик. Папа в это время был на фронте как военный геолог. Была такая организация под названием «Спецгео»¹, что переводится, как я понимаю, Специальная геология. Вот его туда взяли. Он там работал и обеспечивал Южный, Белорусский и Украинский фронты. Ну, можно представить, чем он занимался.

¹ Государственный трест специального геологического картирования «Спецгео» (Трест «Спецгео»).

Екатерина Андреевна Голицына: Чем?

Н. Ш.: В основном они составляли карты. Это были карты разных масштабов. Карты для проходимости танков, тяжелой артиллерии, для просматривания, просматривалась местность, для маскировки и так далее, но в основном, как мне кажется, это грунт для проходимости тяжелой артиллерии. Вот. В общем, уже сколько прошло времени, не хочу хвастаться (*усмехается*), но все, кто еще жив из его коллег, говорят, что это были совершенно гениальные карты, с совершенно потрясающими к ним сопроводительными записками, материалом, который чуть ли не до сих пор используется. Вот. И за свою деятельность на фронте он получил орден второй степени, медаль «За доблестный труд и за отвагу»², по-моему, так она называлась, и еще там медали разные, но в основном, конечно, орден Отечественной войны. Ну, это вкратце его военная... Ну, все, по-моему, ясно: военный геолог.

² Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

Кончив университет, он поступил в аспирантуру, закончил аспирантуру. В двадцать пять лет он уже защитил кандидатскую диссертацию и поступил в Институт рудных месторождений. Институт, который называется ИГЕМ, но он сложно расшифровывается: Институт геологии, петрографии, минералогии. В общем, ИГЕМ — Институт рудных месторождений³. Засекреченный институт. Но основная его профессия, основной элемент, которым он занимался, был уран. Вообще, папа считается крупным уранщиком. Естественно, он был засекречен с ног до головы. Ни разу не был за границей, его из-за этого урана не пускали, хотя его всю жизнь приглашали на всякие международные конференции: и в Америку, и в Англию, и туда, и сюда. Но директор института всегда говорил: «Александр Ильич, вот корзинка, выбросите приглашение в корзинку».

³ Институт геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии Академии наук СССР.

Одна моя родственница рассказывала, что несколько лет назад было совещание какое-то крупнейшее по урану, и один не то английский, не то американский профессор сказал: «Если бы не Андрей Дмитриевич Сахаров и не Александр Ильич Перельман, то в России урановая математика не стояла бы на такой высоком уровне». Ну, тут физика, биохимия — неважно, потому что он занимался изучением образования месторождений и разработкой методов поиска урана. Вот.

Александр Ильич Перельман. Источник фото: www.igem.ru

Урановые рудники в Учкудуке

Между прочим, я с ним один раз была на урановом руднике, если вам это интересно.

Е. Г.: Очень интересно.

Н. Ш.: Это было в Учкудуке. Моя мама с ним чуть не развелась из-за этого, что он меня туда взял (*смеется*). Правда, я там была два раза. Я не знаю, может быть, я рассекречиваю эти... Меня саму засекретили. У меня в университете из-за этого была первая степень секретности, я так полагаю. Я не знаю, но так мне кажется, потому что у всех была вторая, третья, а у меня — первая. Я думаю, из-за этого Учкудука. Вот.

Он был со своим отрядом, а я с ним путешествовала. Он меня с собой взял. Ну, это было неизгладимое впечатление. Считается, что я день-два побывала в заключении, потому что я непосредственно была в карьере, видела конвой, заключенных, овчарок, рвущихся с поводков. Я видела вышки с часовыми. Я сидела в этом карьере, рядом со мной был заключенный с татуировкой на лбу, если мне это не приснилось, по-моему, там было написано: «Жертва СССР». Я не отклоняюсь от темы?

Е. Г.: Нет, это очень интересно.

Н. Ш.: Лагерь у нас стоял поодаль. Нам не разрешали от лагеря отходить ни на шаг вечером, ночью, потому что были случаи, когда были побеги, но заключенные всегда возвращались обратно, если кто бежал, потому что бежать было некуда. Сами представьте: Узбекистан, пустыня, бежать некуда, сорок-пятьдесят градусов жары в тени, песок, ни воды, ни жилья, ни аулов, — ничего. Может, какая-то юрта случайно попадется — вот и все. Вот такое у меня было боевое крещение.

Е. Г.: А не опасно было вам там находиться?

Н. Ш.: Ну, не знаю, видите, я живая, много лет прошло. Вообще, конечно, это ужасно. Я считаю, что там работали пожизненно. То есть тогда не было, по-моему, такой статьи: пожизненно заключенные. Это было двадцать лет, тридцать, но, вообще, это были смертники, потому что это чудовищное облучение. Как сейчас помню, вот такой желтый слой на поверхности, ну, прямо видно на поверхности, карьер. Если мне не изменяет память, V_2SO_4 , соли серной... Ой, уран, уран... $UVO_4(?)$ — ванадат урана, вот так это называлось. И желтого цвета. И сами себе представляете: ветер, все это разносится в атмосфере. Вообще, население (может, мне так казалось) ходило, дети там, с бледными лицами. Конечно, обстановка была зараженная. Не знаю, может, это плод моей фантазии, но, во всяком случае, то, что я рассказываю, так было. Уж что, чего, как — я не знаю.

Е. Г.: Поселение было рядом с лагерем?

Н. Ш.: Рядом не было, дальше, но это же все разносится далеко-далеко в атмосфере, господи, и за сотни километров, конечно, почему бы и нет. Вот.

Наталья Шмелькова. Фото предоставлено Н. А. Шмельковой

Потом папа защитил докторскую диссертацию блестяще. У меня очень плохо с хронологией, по-моему, ему было лет сорок восемь – пятьдесят. Он защитил ее блестяще. Он по натуре был безумно неприхотливым человеком. Я как сейчас помню, у него не было ни кабинета, ничего. Мы жили в одной комнате четвером, и вот был такой обеденный стол, заставленный посудой, детки ели, а он на углу стола сидел и, как он говорил, написал «варсхал» (*смеется*). Это было его выражение — «варсхал». Спокойно работал. Потом, правда, появилась вторая, смежная, комната.

Е. Г.: А что за наука такая была, основоположником которой он был?

Н. Ш.: А это геохимия ландшафта. Ландшафт, представляете, это уже такая поверхностная оболочка Земли, но геохимия. Геохимия — химия Земли. Если геологи в основном занимаются глубинными слоями, где руды образуются и так далее, то тут папа развил теорию, что в ландшафте, в том числе и в почве, происходят абсолютно те же процессы, что и на глубине, только как бы в другом масштабе, что гораздо где-то легче и нагляднее это все изучить на поверхности, чем на глубине, и перенести это потом туда. Он один из основоположников науки геохимия ландшафта. Им была разработана система геохимических барьеров. Ну, если по-дилетантски, геохимический барьер — это линия, где происходит резкое уменьшение, снижение миграции элементов за счет каких-то условий, и за счет чего они выпадают в осадок. Раз выпадают в осадок, получается повышенное содержание элемента в почве. Раз повышенное содержание, значит аномалия. Геолог может подумать, что это руда, а на самом деле это ложная аномалия, то есть связанная не с тем, что внизу руда и за счет миграции водной она проявляется сверху, а именно за счет геохимических барьеров. И была им разработана целая классификация геохимических барьеров: кислородный, глеевый, сероводородный и так далее.

Это геологии очень помогло, потому что когда делается при поисках так называемая металлометрическая съемка, эта вся площадь разбивается на сетку, и с каждого угла берут пробы, делают спектральный анализ на двадцать, на тридцать, на сорок элементов, потом делают эти всякие линии, где больше, где меньше, выделяют эти аномалии... А бурение — это очень тяжелая вещь. Можете себе представить, забуриться на сотни метров, скважина. Поэтому очень важно было отделение рудных аномалий от безрудных, то, что вот на этих барьерах, а то, что может быть связано с рудой. Это тоже один из крупнейших вкладов его в науку.

О работоспособности и достижениях отца

Ну, еще много чего там. Палеогеографию он создавал, карты палеоландшафта, те, которые образовывались в другие геологические эпохи, делал карту районирования по условиям поисков. Им написано очень много книг, в том числе научно-популярных громадное количество, помимо основных фундаментальных его произведений, кроме того, биографии его учителей: Полынова, замечательного ученого, потрясающего, Саукова и Ферсмана, которую уже раз пять-шесть, наверное, переиздали.

Е. Г.: Когда он успевал все это?

Н. Ш.: А он был трудоголик. Он все время работал, не потому что вот стахановец он такой, работа на советскую власть, а потому что ему есть что сказать. Для него работа — это его естественное состояние, потребность из себя выдать то, что он знает, то, что ему предстоит делать. Он еще, конечно, очень много не успел сделать. Вот так.

Е. Г.: После войны он в Академии наук работал?

Н. Ш.: ИГЕМ, ИГЕМ. Значит, он был профессором, старшим научным сотрудником, потом академиком РАЕН (РАЕН — это Академия естественных наук, наша академия наук) и Нью-Йоркской академии наук. Он лауреат Государственной премии, а потом у него премия Правительства Российской Федерации, очень много патентов. Он является почетным членом Географического общества, там им была получена золотая медаль Литке, считается, это очень большая награда, и медаль ВДНХ, тоже за научные достижения. Да, он вел, конечно, очень большую преподавательскую работу. У него тысячи аспирантов и кандидатские, дипломные работы и конференции. Вообще, всего не перечислишь. Я сама поражаюсь, когда он все успевал. Вот.

Вообще, я не хотела поступать на этот факультет, но благодаря этому я объездила всю страну, была даже на Командорах.

Е. Г.: Это чуть позже расскажете.

Н. Ш.: Позже, позже.

Е. Г.: Да, а то мы сейчас будем прыгать.

Н. Ш.: Да-да-да. И еще самое интересное: он безумно любил литературу и вообще был глубоко образованным человеком, очень хорошо знал культуру, литературу. Вот музыку не особенно, ему медведь на ухо наступил, но как многие люди без слуха, он очень любил петь. При этом его глаза увлажнялись от умиления от собственного исполнения. Но литературу, поэзию, прозу русскую, зарубежную он знал блестяще, особенно русскую. Между прочим, сам писал. Есть книжка даже его. Кстати, она у меня лежит, я вчера просматривала. «Ненаучное...», это одна из книг. Это его рассказы и стихи. Рассказы в основном юмористические, в основном относятся к Средней Азии, его любимой стране. И стихи писал, на мой взгляд, очень неплохие.

Вот, кстати, стоит верблюд на шкафу. Видите, игрушка на колесиках?

Е. Г.: Да.

Н. Ш.: Это верблюд исторический. Такой Луговской, если помните, Владимир Луговской, поэт. Я дружила с его вдовой. И этого верблюда Луговскому в ресторане на юбилей подарил Николай Тихонов, поэт замечательный, классик, который папу очень ценил. И вот после смерти моей любимой Майечки Луговской дочь Луговского говорит: «Наташ, ну, выбери что-нибудь на память от нее». И я выбрала. Она сказала: «Чего это ты верблюда на колесиках выбираешь, игрушку?» Я говорю: «Папе,

папе, папе». Ведь связь времен: Тихонов, Луговской и папа. Они все безумно любили Среднюю Азию. Вот я этого верблюда и водворила.

Е. Г.: Вы неслучайно в Ташкенте оказались? В эвакуации?

Н. Ш.: Ну, я думаю, что нет, потому что и родная сестра туда поехала с дочкой. А почему неслучайно?

Е. Г.: Ну, они любили Среднюю Азию.

Н. Ш.: А-а-а. Я думаю, что нет. Ташкент-то тогда, ведь вы знаете, там очень было много.

Е. Г.: Да, «город хлебный».

Н. Ш.: «Ташкент — город хлебный». Туда очень многие стремились в эвакуацию.

Е. Г.: Конечно.

Биография мамы и маминых предков

Н. Ш.: У мамы биографию я знаю, вот сейчас стыдно признаться, не очень хорошо. Мама была сиротой. Ее мать умерла, когда она была совсем маленькая. Она никогда не любила про нее говорить. А дедушка мой, необыкновенный красавец, был заместителем Рамзина. Помните, процесс «Промпартии»? Ну, это вы посмотрите в интернете, что такое процесс «Промпартии». Это был знаменитый процесс исторический, когда под расстрел шли и так далее. И был такой Рамзин, который всем этим руководил. Он в моего деда влюбился как в очень талантливого человека. А дед был сам из Тамбова. У меня даже его фотокарточка стоит в маминой комнате. Он был необыкновенно красив, но суть не в этом. Естественно, очень образован и очень талантливый инженер. И Рамзин его взял в Москву, дал ему потрясающую квартиру на Усачёвке, это метро «Спортивная», чуть ли не с роялем, с мебелью чуть ли не старинной, чуть ли не с фарфоровой посудой. Да-да-да. И вот поселил туда моего дедушку. Потом женился на красавице Евгении Сергеевне, это была мамина мачеха. С мамой они были не очень, но тем не менее я ее помню, они общались.

А прадед, если я не ошибаюсь, если не прапрадед, он был очень известный тамбовский князь. Так что во мне княжеская кровь, имейте в виду (*смеется*). Да, очень известный тамбовский князь, красавец, безумно богатый, безумно образованный, всем известный, очень любил путешествовать. Он поехал в Испанию как-то, женился там на испанской танцовщице, чуть ли не уличной, привез ее в Россию, но сначала они жили в Париже долгое время. Так что вот эта танцовщица — одна из моих ветвей. В той комнате висит портрет, где я в цыганском костюме. Там есть элементы костюма моей прабабки, если ее можно так назвать, испанки, которую написала Натта Конышева, художница. Знаете такую?

Е. Г.: Конечно, да.

Н. Ш.: Я вам его потом покажу, там три фрагмента: на голове, кофточка и пояс. Вот.

Мама была однокурсницей с папой, очень способная, даже талантливая. Ей пророчили даже большое научное будущее, но она, видно, почувствовала, что, во-первых, двое детей, ну и потом она почувствовала, что папа из себя представляет как ученый. Видимо, она решила пожертвовать своей карьерой, заняться детьми и заняться им, потому что он был совершенно неприспособленный к быту. Он мог надеть разные носки, не умел вбить гвоздь, мог съесть черную яичницу, сгоревшую. Так что весь быт держался на ней. Более того, она ему очень помогала. Она с ним все время ездила в экспедиции, потом она была очень хорошим редактором. Он часто к ней обращался, хотя он сам блестяще писал. У него замечательный стиль, это все отмечают, что написано замечательным языком. Даже Веничка Ерофеев сделал комплимент. Ведь он подарил Веничке «Ферсмана», книжку свою. Веничка сказал: «Я не ожидал, что он так замечательно пишет». Мама его еще редактировала. В общем, вот это моя мама.

Наталья Шмелькова с мамой. Фото предоставлено Н. А. Шмельковой

Семья художника Осмёркина

Е. Г.: Прекрасная семья. И вы вернулись в каком году?

Н. Ш.: Куда?

Е. Г.: Из эвакуации.

Н. Ш.: Ой, ну считайте, я даже не знаю, в каком. Значит, я родилась в 42-м. Я помню День Победы. Это какой год?

Е. Г.: 45-й.

Н. Ш.: 45-й, правильно. Ну, в 43-м, наверное, где-то вот так. Я забыла. Ну, где-то 43-й, годик мне был.

Е. Г.: И жили вы на Кировской⁴?

Н. Ш.: И мы поселились на Кировской.

Е. Г.: В шехтелевском доме?

Н. Ш.: Да, дом Шехтеля⁵. Там еще было Суриковское, по-моему, или Строгановское училище. Там висит мемориальная доска: «Дом Шехтеля. Охраняется государством. Высшее Суриковское училище».

⁴ В 1990 году улица Кирова была переименована в Мясницкую.

⁵ Доходный дом Строгановского училища на Мясницкой улице д. 24/7.

Там жило очень много известных людей, уже в коммуналках заселенных. Внизу, например, жил Левенталь, главный художник Большого театра. Надо мной жил Осмёркин, «Бубновый валет», это Серебряный век, 20-е годы. Он еще был живой. Я гуляла с его собачкой Шариком. Он меня кормил шоколадными конфетами. Я там у них бывала часто дома, смотрела картины, знакома была с его двумя дочерьми, Лилькой и Танькой.

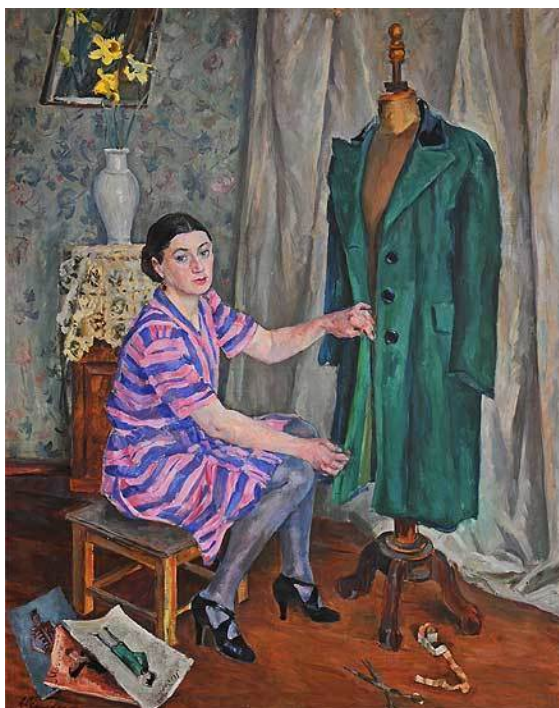
Е. Г.: Какой у них дом был?

Н. Ш.: В смысле?

Е. Г.: Ну, антуража.

Н. Ш.: Они жили на последнем, пятом, этаже. Там было две жены: с которой он развелся, и другая была Надежда Георгиевна, искусствовед. Внешне она была с картины Серебряковой: высокая, худая, гладкая прическа с пучком. Она курила, у нее был длинный мундштук, папиросы. Она водила эту дворняжку с хромой ногой. Подняли они этого пса на улице, что делает им честь. Она с ним так ходила, говорила (*имитирует голос*): «Шарик! Шарик! Шарик, за мной!» Вот такая она была. Очень меня любила Надежда Георгиевна. Мы с ней дружили. Один раз она меня застукала в Пушкинском музее с сигаретой,

мне было лет восемнадцать, и сказала: «Наташенька, вы с сигаретой похожи на дешевую Карменситу. Лучше выпейте рюмочку коньяку, чем курить эту гадость», — хотя она курила вовсю.

А. А. Осмеркин. Зеленое пальто (Портрет Н. Г. Осмеркиной). 1947. Источник: osmerkinmuseum.kr.ua

Дом их был весь завешен картинами с полу до потолка, замечательные картины. Вообще, мне Осмеркин очень нравится. А потом она с нашей соседкой... У нас поселилась такая Ира Болотина, искусствоведша, очень рано умерла, очень талантливая. Если мне не изменяет память, по-моему, она вместе с этой Осмеркиной сделала монографию Машкова, замечательную. Она у меня есть. Вот.

Таня, дочь Осмеркина, была очень талантливым модельером. А Лилька — художница, рисовала, училась официально — не официально... Одним из таких неофициальных учителей был мой крестный отец. Это был Евгений Леонидович Кропивницкий, основатель знаменитой Лианозовской школы, из которой вышел Рабин, Вечтомов, масса художников и поэтов, Генрих Сапгир, Холин, Сева Некрасов. В общем, это была целая школа. А он был моим крестным отцом, между прочим. Так что тут так все перепутано. Я об этом узнала совершенно случайно, потому что как-то Евгений Леонидович переписывал, перепечатывал стихи на машинке. Он был уже старенький. Я подхожу и читаю стихотворение:

Я был у ее двери, Кировская, дом 24, квартира 105.

Я отошел от двери, подался в спалью.

Да... сумел — не сумел, как трудно любить...

Я думаю: «Боже, где же он был-то? У меня квартира 104, 102, а он в 105-й был. Я говорю: «Евгений Леонидович, у кого вы были?» А он мне говорит... Я не лишнее рассказываю?

Е. Г.: Нет-нет.

Н. Ш.: Он говорит: «Да ну, деточка, вы все равно...» «Как не знаю? Я этажом ниже жила, — я говорю, — вы случайно не в Лилечку были влюблены?» «Да, в нее», — сказал он, потупив глазки. И показал мне очень красивый, небесталанно сделанный мелким мазком, маслом написанный портрет.

А. А. Осмеркин. Портрет дочери (Лидия Осмеркина). 1947

О соседях по коммунальной квартире

Е. Г.: Прекрасно! Ну а ваша квартира — ваши воспоминания? Давайте теперь ваши ранние воспоминания детства.

Н. Ш.: Мои воспоминания очень резко расходятся с воспоминаниями всех жильцов, в отличие от Лешеньки Орловского, которого я воспитывала. Это уже позже. Приехали соседи с маленьким мальчиком, которого я взяла под опеку. Ради меня он стал художником, благодаря мне. Потому что обстановка была, конечно... Вы сами читали, да?

Е. Г.: Ну, вы расскажите.

Н. Ш.: Сорок человек, да. Когда меня привезли, может, тридцать восемь было. Ну, не важно, было под сорок человек. Один туалет, одна ванная, одна кухня. Люди все разные. Как говорится, «все смешалось в доме Облонских». Например, была актриса из МХАТа такая Элка Позднякова. Она приехала позже. И была бывшая воровка, которая в «Детском мире» что-то обворовала, отсидела несколько лет в тюрьме. Другая там какая-то скандалистка. Четвертая — из деревни. Мой папа, профессор. В общем, всё вперемешку. Ну и конечно, была война, все раздраженные, уставшие, сами понимаете. Людей тоже судить строго нельзя. Конечно, часто были столкновения, доходило даже до драк. Я даже помню, была общественная драка, когда дралось двадцать пять человек.

Е. Г.: Что не поделили?

Н. Ш.: Не знаю. Причем все женщины. А я в щелку наблюдала. Врукопашную дрались соседки. Чего не поделили, я не знаю. А в одну дверь лежала такая Макарова, старуха, ей было лет восемьдесят. Она не вставала с постели, не то у нее был паралич, не то еще что-то, даже не знаю, но она не выходила в коридор. А тут вдруг вижу: она бежит с ведром от своей двери до кухни, а у нее дверь напротив кухни, а коридор длинный, метров сто (*Голицына удивленно вскрикивает*), восемьдесят, семьдесят, ну, метров семьдесят-шестьдесят точно, длинный коридор. Она бегала с ведром и выливали всем на голову, представляете. Даже такие сцены были.

Е. Г.: Ужас!

Н. Ш.: Да. А один раз сосед, которого очень хотели на мне женить, хотя мне было шесть лет, Валька Бочков, чуть ножом меня не пырнул за то, что я открываю форточку на кухне, он закрывает, я открываю, он закрывает. Он нож схватил, чуть меня не пырнул ножом. Тоже был скандал, хотя я к этому отнеслась очень весело, мне это понравилось даже (*усмехается*). Вот.

Ну, что касается меня, я приехала самая маленькая, поэтому до конца... Мне десять лет, двадцать, тридцать, уже я выселилась оттуда, приезжала там в гости, кто-то был еще жив — я для всех осталась двухлетней Таточкой. Всегда меня все любили, несмотря ни на что, хотя я часто занимала телефон, часто занимала ванную, в ванной курила.

Е. Г.: Вы же говорили, объявление там висело.

Н. Ш.: Да. Я в ванной курила, потом там целый процесс был: махала полотенцем, из пульверизатора духами, пускала кипяток,

чтобы дым растворился в кипятке. В общем, курила полсекунды, а следы заметала час (*смеется*). Ну, все равно, память осталась. Я не закрывала никогда дверь. Один раз прихожу домой, у меня телевизора нет. И тут Берта, соседка по коридору: «Наташенька, — с еврейским акцентом, — Наташенька, а ты разве Новый год дома встречаешь?» Я говорю: «А что?» — «А мы думали, у знакомых. Мы с Валечкой взяли твой телевизор». Я говорю: «Ну, взяли и взяли, пожалуйста». Вот. Зато приду, смотрю: мне посуду вымыли. Чтобы за кого-то посуду кто-то вымыл, такого в жизни не было. А вообще все равно была атмосфера ненависти, ну, не ненависти, а раздражения. У каждого своя плита. Не дай бог, поставить на чужую плиту, конфорку. Кто-то боялся, что его отравят. Кто-то варит что-то, стоит полтора часа у кастрюли, чтобы, не дай бог, кто-то что-то не подсыпал. Вот. Хотя были и прекрасные моменты. Кто-то с кем-то дружил.

День Победы

Вот День Победы мне запомнился, конечно, потрясающе. Когда я это рассказывала маме, она была удивлена, как я это все вообще помню. Я даже (вот вы прочитали), я даже действительно, и она почему-то запомнила... Вернулась с фронта тетя Тоня, санитарка военная, и как она звонила в звонок, я помню ритм: тра-та-та-та-та, тра-та. Сколько лет-то прошло, а я помню ритм звонка. Ну и конечно, тут объятья, поцелуи. Все справляли на кухне. Дядя Вася играл на гармошке, плясали, песни, выпивали, вино лилось рекой. В общем, все друг друга безумно полюбили на несколько дней. Это был День Победы.

Е. Г.: А на улицу выходили? В День Победы выходили на улицу родители?

Н. Ш.: А вот это я не помню. Я помню то, что я наблюдала в квартире. День я не помню... Вряд ли, потому что это было до утра, на кухне празднество-то. Какая улица?!

Е. Г.: У вас гулянье было дома.

Н. Ш.: На кухне, да. У нас был большой коридор. Мы по этому коридору катались на велосипедах трехколесных, дети.

Е. Г.: Там много было детей?

Н. Ш.: Ну, значит, я — раз, моя сестра родная — два, две двоюродных сестры — четыре, еще, значит, Лешка — пять, шесть... Ну, человек семь-восемь было, кто-то пришел, кто-то ушел. Играл в демонстрацию, кто-то Ленина изображал, кто-то — Сталина. В общем, дурака валяли (*смеется*).

Вообще, жизнь была, я бы сказала, интересная. Я своим детством довольна, хотя мы жили бедно какое-то одно время. Я, например, помню, как мы ели, уж не знаю, что это за дни такие были, но я помню, мама налила воду, черный накрошила хлеб, подсолнечное масло. Вот мы ели такую похлебку, было такое.

Помню, как пришла какая-то нищая с пятью детьми, и наша соседка Берта, которая у меня телевизор-то взяла, ее не стала пускать в квартиру. Та говорит: «Чтоб ваш дом сгорел!» А тут мама выходит, а она открывает халат свой, а она голая там, без всего, ни трусов, вообще ничего, обнаженная. Мама говорит: «Проходите». Я помню, у нас был круглый стол, и мы все сидели: эта нищая, эти дети. Мама была очень добрая и щедрая. И мы все ели эту похлебку. Вот у меня в памяти застрял этот момент.

Дворовые игры и детская изобретательность

Двор был очень интересный. Были потрясающие игры.

Е. Г.: Какие?

Н. Ш.: Вот я сейчас смотрю на детей, ну, может, сейчас уже по-другому, но вот одно время, начало перестройки, у всех все есть: игрушки, все с сытыми лицами, глаза тусклые, никто ничего не изобретает. А у нас ничего не было. Мы придумывали все сами. Елочные игрушки мы придумывали сами. Ну игры: круговая лапта, штандер, классики, казаки-разбойники, жмурки... Потом это самое, как это называется, когда кто-то закрывает глаза, все разбегаются — его ищут?

Е. Г.: Прятки.

Н. Ш.: Прятки! Я помню, я убежала на Красную площадь (*смеется*).

Е. Г.: Ничего себе!

Н. Ш.: Прятки закончились, всех нашли, а меня нет. Я убежала на Красную площадь и гуляла там, а меня искали. Вот так я развлекалась. Потом сами делали игрушки. А я, простите меня за нескромность, была безумно изобретательна. Если хотите, расскажу.

Е. Г.: Конечно.

Н. Ш.: Надо мной хохотала вся улица, вся округа. Я хотела очень собаку, нам естественно некуда было эту собаку девать. Я взяла два ватмана, нарисовала две собаки одинаковых, вырезала их ножницами, сшила края нитками, напихала ваты, тут нарисовала морду, разукрасила. Около нас был магазин «Охотник», колокольчики продавались, колокольчик подвесила, назвала ее Шариком. И я ходила по улице, на веревке, по Кировской, с совершенно серьезным видом: «Шарик! Шарик! Шарик, за мной». И была, конечно, потрясающая реакция женщин, они чуть ли не плакали. Да. То есть никто не смеялся (*вытирает слезы*). Ой, извините, это у меня от туши, это не потому, что я рыдаю от воспоминаний. Ой, я еще и капаю капли в глаза. Это тихий ужас. Они плакали от умиления, что бедные дети, вот дети изобретают. Потом я заходела лошадь.

Е. Г.: Ого!

Н. Ш.: Мы жили за городом. У меня, правда, был велосипед. Значит, я по тому же принципу сделала голову, к рулю ее привинтила, а к седлу из длинной-длинной осоки — хвост, и на полной скорости ездил по всему поселку на коне. Вот такие примеры, понимаете.

Е. Г.: А где вы летом жили? Это дача была?

Н. Ш.: Нет! Какая дача! Дачи не было, снимали какую-то дачу под Болшево. Потом в деревне. Был у нас такой дядя Ваня, когда папа и мама уезжали в экспедицию, отдавали нас своему другу. Геолог дядя Ваня, потрясающий он был педагог. У меня есть дневник, до сих пор сохранился: «Ира и Тата, 46-й год». Он безумно любил астрономию. У него было двое детей, и он их называл Вега и Орион. Мама еще говорила: «Ванечка, они вырастут, они тебя убьют. Вега Ивановна, Орион Иванович, ну чего?» И там мы тоже получили потрясающую закалку. Дядя Ваня нас выводил ночью в лес, прятался за кусты, кричал то совой, то волком, то медведем завоет, то еще кем-то. Потом делали гербарий, знали все растения. Я пасла козу. Ну, там всякие стихи, он записал все наши сказки. Это был потрясающий кусок детства.

Ира Перельман и Тата Шмелькова. Фото предоставлено Н. А. Шмельковой

В гостях у Отто Шмидта

Еще мы жили за городом, это тоже было очень интересно — академический поселок Мозжинка.

Е. Г.: Это под Звенигородом?

Н. Ш.: Да. Там мы жили у папиного учителя Бориса Борисовича Польшова, о котором папа написал книжку. Ну, Польшов папу считал чуть ли там... Гением — не гением, я не знаю, кем, в общем, очень его выделял. Когда он уезжал, он дачу отдавал маме и нам, втроем. Папа работал, а мы втроем жили. А прямо через ограду был Отто Юльевич Шмидт. Вам, конечно, знакома эта фамилия, да?

Е. Г.: Конечно.

Н. Ш.: У него была внучка. Анечка, по-моему, ее звали, и мы с ней дружили. У нас был Бобик, собака без хвоста, дворняжка, а у Шмидта — овчарка Кончак. Папа говорил: «Ну, Кончак — собачий аристократ, а Бобик — простой русский интеллигент». Кончак всегда на него гавкал. Вот.

Ну, мы дружили с этой девочкой. Но в основном я любила приходить к ним в гости, потому что у них была домработница, которая делала блинчики со сгущенным молоком, а у нас такого не было. Я хитро приходила, чтоб меня угощали. А один раз я предложила сыграть в дурака. Он любил раскладывать пасьянс. Это было потрясающе. Он красавец, длинноволосый. Я его помню внешне очень хорошо. Сколько мне лет было, я даже не помню, шесть, наверное, вот с годами ничего не помню, лет шесть, да. Он пасьянс раскладывал, я говорю: «Ой, Отто Юльевич, — с детской непосредственностью, — давайте сыграем в дурака». Ну, он посмеялся и там сам передвинул несколько карт. Вот.

Новый гол и елка

Ну, о детстве надо мне какие-нибудь наводящие вопросы...

Е. Г.: А Новый год вы уже справляли?

Н. Ш.: Новый год мы справляли, несмотря на эти послевоенные годы, справляли его гениально.

Е. Г.: Как?

Н. Ш.: Потому что мы еще жили в этом старом доме шехтелевском. Там были высокие потолки, итальянские колоссальные окна, подоконники мраморные, дубовые перила. Сейчас там какая-то фирма. Там апартаменты, конечно, были невероятные. Дядя Ваня привозил елку из леса, до потолка. Тогда свечи были. Вот я вам точно скажу: вот такого размера, вот такие были свечи, и толще, чем эта ручка, белые. Были к ним подсвечники большие. У меня до сих пор, по-моему, подсвечник сохранился. Игрушки я раздала, старинные, а несколько подсвечников осталось. Представляете, эта громадная елка, и она вся в живых свечах, огонь, все горит, никто не боялся никаких пожаров, ничего. И всякие игрушки, включая самодельные. Ну и тетя Дуся, я помню, Дедом Морозом наряжалась. Кто такую маску придумал, я не знаю, это у детей инфаркт сердца может быть, ну такая страшная. Я помню, я с ужасом под стол залезла, хотя я была смелым ребенком. Я залезла под стол, когда Дед Мороз явился, но было очень хорошо.

Часто мы отмечали Новый год у Плынова, у Бориса Борисовича, со взрослыми: папа с мамой был, и нас с Ирой с собой брал. Вообще, я всегда любила взрослых, с детства, между прочим. Вот так я рассказываю, ля-ля-ля, пряталки, ну, я, конечно, во всем этом принимала участие, но я очень любила компанию взрослых. Была очень интересная публика, не как сейчас вот эта профессура университетская, это вообще тихий ужас, смотреть тошно (*смеется*). Были все какие-то лица значительные, все были образованные, значительные лица, все играли на рояли, а у нас было прокатное пианино «Красный Октябрь». В те времена это было замечательно, это не как сейчас. В те времена «Красный Октябрь» был как «Блютнер», «Беккер», как немецкая фирма: мягкий звук. Кто играл классику, все поражались: «Что это за пианино такое?» Сейчас же такие не делают. Взрослые разговоры. В общем, эти сборища были очень интересны. Дома, когда к нам приходили, мама была очень гостеприимная.

Е. Г.: Чем угощали?

Н. Ш.: Ну, мама выкладывала... Я даже не знаю, ну, вообще, все, что можно. Даже я не знаю, как перечислить. Начнем с картошки, какое-то там мясо, салаты, пироги пекла даже, хотя она не любительница была чего-то там печь. Все было очень гостеприимно и очень интересно: читали стихи, музыка исполнялась. Помню, совершенно жуткий случай, как Гвоздецкий такой, аристократ, играл Бетховена «Рондо о потерянном грошике», виртуозно, а папа очень устал, переработал, вдруг он зевнул, как крокодил, и сказал сквозь сон: «Надоело». Мама с ним неделю не здоровалась после этого, что он ее осрамил. Она ему простить долго не могла (*смеется*).

Жизнь окрестных улиц

Ну а потом экспедиции. Или что еще о дворе, что еще? На улице было очень интересно. Значит, у нас центр самый. Вы представляете, где мой дом. Это напротив «Чаеправления» проходной дом, который соединяет Кировскую с Банковским переулком, который выходит в Потаповский переулок. Там же была моя 612-я школа, напротив нее жила Ивинская, к которой бегал Пастернак в гости, прямо напротив. Ее дочка училась в моей школе, Ира эта, как ее фамилия, забыла, на три года меня старше... А к чему я это рассказываю? Да, была булыжная мостовая, а во внутреннем дворе у нас был «Армянский коньяк», и коньяк был прямо в бочках, без бутылок. У нас весь двор спился, включая домоуправа. Утром выходишь — сидят на заборе, как воробы, с похмелья, а какая-то тетка разносила поутру коньяк в бутылках, за копейки, чудный армянский коньяк, пол-литра... Я просто не помню этих денег. В общем, это стоило безумно дешево.

Е. Г.: Вместо молока.

Н. Ш.: Вместо молока. Одна приносила молоко. Однажды принесла какое-то разбавленное, так эта Берта, скандалистка, которая у меня телевизор взяла: «Почему разбавленное молоко?» — «Чтоб всем хватило!» Потом это уже стали рассказывать как анекдот.

И была мостовая булыжная, представляете, какая красота! Вот этот Потаповский переулок был весь выложен булыжником. Кстати, там было очень много киносъемок. Недалеко снимали «Летят журавли», вот этот Армянский переулок, где Таня Самойлова бежит по забору, провожая Баталова на фронт. Потом тут снимали «Попрыгунью» с Извицкой⁶, по-моему, или еще что-то. Ой, я уже не помню, очень много фильмов снималось. И ходили лошади из «Армянского коньяка», с телегами, на телегах сено. Я часто до школы доезжала на лошади.

Е. Г.: Ничего себе!

Н. Ш.: Да, на телеге. Прихожу, Анна Георгиевна спрашивает: «Наташ, почему у тебя форма в сене?» А я говорю: «Ой, извините, я на лошади ехала, на телеге». Потом это со временем все, конечно, убрали.

⁶ Главную роль в фильме «Попрыгунья» исполнила Людмила Целиковская.

Е. Г.: А какая послевоенная Москва вам помнится еще?

Н. Ш.: Еще? Ну, Кировская была потрясающе интересная. Регулярно ходили оркестры. Там, значит, пятьдесят-шестьдесят, впереди трубач, зная, и таким бодрым шагом к Красной площади, вот со стороны Красных ворот и дальше, по Кировской и на Красную площадь.

Е. Г.: Военный оркестр?

Н. Ш.: Военный, регулярно. Я не помню, раз в день, раз в три дня, но это было регулярно. Ходил оркестр, и дети часто подбегали к барабанщику, брали его под ручку и тоже вышагивали. Было очень интересно на Чистых прудах. Тогда, несмотря на бедность, у многих были домработницы, в частности, у нас тоже была тетя Марфуша одно время. Потому что приезжало очень много из деревень, особенно молодых барышень, которые хотели, может, замуж выйти. И были очень интересные прогулки вечером, когда эти барышни из деревни прогуливались с солдатами. Вот так прямо кругами, стаями, стаями, все на каблучках, модно одетые, и солдатики. Вот так они гуляли.

Были Чистые пруды. Я до сих пор их люблю. Там была елка в Новый год, лампочки, музыка, катание на коньках. Да, там был каток, я каталась сама на «гагах».

Детский интерес к церкви

Потом там была церковь, в которую я все время бегала. Бегала я в церковь с пяти лет. Не хочу сказать, что я в пять лет веровала в Бога, но была влюблена в церковный хор, безумно любила его. Вы представляете себе эту церковь, да, Меншикова башня?

Е. Г.: Да, конечно.

Н. Ш.: Греческое подворье, знаете?

Е. Г.: Да-да-да.

Н. Ш.: Это самая высокая церковь в Москве, между прочим, и там ни машин, ничего, поэтому родители разрешали, бегай там сколько хочешь. Так дети бегали всюду. И я лет чуть ли не с четырех, с пяти все время там бегала. Я даже немножко была влюблена в священника, в грека, красавца, но это ладно, это уже пустяки. Мне нравился хор безумно, а потом я была влюблена в горящие свечи. Я безумно любила иконы рассматривать, потом стала писать иконы и реставрировать, между прочим. Вон, кстати, три иконки мои стоят. Вот. Что еще? Мне очень нравились одеяния. В общем, для меня это был театр. Я, конечно, не хочу сказать, что я в пять лет веровала в Бога. Для меня это был театр, и церковь для меня стала привычным местом. Я всю жизнь ходила в церковь, сейчас я уже не хожу — она мне противна. У меня все наоборот: когда нельзя было, я ходила, когда можно — перестала. В церковь я ходила все время и носила крест, между прочим. Крестилась я в тридцать три года. Это отдельная история, потрясающая совершенно, потрясающая.

Е. Г.: Но это позже расскажете.

Н. Ш.: Позже. Невероятная. Ну вот церковь. А так, округа, что? Красная площадь, Сретенка, Маросейка, «Ударник», весь-весь-весь центр. Ходить было безопасно. Какие-то мильтоны ходили. Правда, ко мне пристал один раз дядька, а мильтон убежал, не стал за меня заступаться (*смеется*). Ну, не убежал, а так ретировался.

Е. Г.: Не помог.

Н. Ш.: Тем не менее было спокойно. Гуляли москвичи, я помню, до двенадцати часов ночи. Вот и папа с мамой тоже выходили. Вот так по Кировской, по улице уже движения практически не было, и по улице толпами, под ручку, туда-обратно разгуливали. Обязательно по Москве такие вечерние прогулки были. Что еще-то?

Учеба в школе

Е. Г.: Про школу расскажите. Хорошая школа была у вас?

Н. Ш.: Школа была хорошая, при всей моей нелюбви к советской власти.

Е. Г.: Уже тогда?

Н. Ш.: Уже тогда, что-то во мне уже... Я, по-моему, родилась антисоветчицей (*смеется*), начиная с Даниэля, во всяком случае, а то и раньше. Школа была хорошая. Были хорошие преподаватели, очень такие... Не люблю слово «интеллигентные», терпеть не могу это слово, тем более, уже и нет этих интеллигентов, но действительно такая интеллигенция, что учительница по литературе Изольда Осиповна, что химик, что географичка. Всех я их помню в лицо. Один директор был хам. Он меня очень не любил за то, что я носила хвост, не полагалось.

Да, школа была ужасна в том отношении, что очень были строги правила в одежде. Мы носили чулки в резиночку, как правило, ботиночки, мальчишки... Да, у нас сначала была женская школа. Помню, в одной школе рядом, куда я потом перешла, одна девочка пришла в коричневой форме, но какая-то там шелковая ниточка проскальзывала, и ее выгнали, из-за того что какая-то там ниточка не та, не полагалось. Всякое было. Ну, вот там уродка была, мы ее крысой звали...

Но преподавали хорошо, преподавали хорошо. Были такие занятные предметы. Был, например, такой предмет как труд, когда мы с какими-то железяками, с какими-то частями чуть ли не машин что-то такое делали. Одновременно было, по-моему, рукоделие, если мне не изменяет память. Очень была в ходу физкультура, всякие козлы перепрыгивали, я помню. Физкультура была серьезная, был физкультурный зал хороший. Был хор с дирижером. Причем пели мы классический репертуар, даже пели из опер.

Е. Г.: Ничего себе!

Н. Ш.: Я помню, мы пели из оперы «Волшебный стрелок», по-моему, Вебера: «На свете нет лучше отрадной охоты», — не помните?

На свете нет лучше отрадной охоты,

Когда веселей наш круг жизнь кипит.

Скакать за оленем <нрзб> болота,

Когда рог то смолкнет, то снова звучит.

Вот радость, вот радость,

Вот сердцу отрада,

Вот он исполняет...

И так далее. Потом, это откуда, забыла, по-моему, это из «Ивана Сусанина»: «Ложится в поле мрак ночной», — не помните? (*Напевает*) «Ложится в поле мрак ночной...» Не помните? По-моему, из «Ивана Сусанина»⁷. Ну, неважно, то есть репертуар был серьезный. Была дирижерша.

⁷ Из оперы Михаила Глинки «Руслан и Людмила».

Я вела себя ужасно, мне стыдно в этом признаться, потому что я всегда орала. Я пела специально очень громко, чтобы выделиться из хора. Это очень интересная деталь. Я даже очень удивлена, потому что в дальнейшем в жизни я наоборот старалась всегда быть как-то поскромней, в стороне. А с детства это почему-то у меня вылезало — выделиться. Я так орала жутко, чудовищно и наблюдала, как дирижерша хочет сделать мне замечание, но стесняется. Ну, не то что стесняется, но думает: «Ребенок старается, жалко ему мешать. Ну, пусть старается». Но это было, конечно, чудовищно. Вот хор был. Вот хорошее преподавание. Ну, были, конечно, какие-то недостатки, не без этого, но в целом у меня воспоминания неплохие.

А потом нас объединили с мальчиками. Я перешла из 612-й в 313-ю, где преподавал Даниэль, где была эта крыса-заведующая, которая девочку выгнала из-за ниточки в платье. Там преподавал Даниэль, который, конечно, очень выделялся. К сожалению, мне он не преподавал. Он преподавал моим двум сестрам, которые на три года меня старше. Единственное, что я могла, когда меня выгоняли за плохое поведение, а оно было чудовищное, я была лидером, я срывала все уроки...

Е. Г.: Вы хулиганкой были?!

Н. Ш.: Жуткой. Срывала все уроки, прогуливала. Вот я шла и слушала его занятия. Как сейчас помню, он преподавал Маяковского. И представляете «в те годы дальние, глухие»⁸, я даже помню кусок, как он сказал, я не помню дословно, но смысл был такой: «Ну что я вам буду рассказывать то, что в учебниках. Я вам сейчас про футуризм немножко...» Представляете, маленьким детям, про футуризм, и даже начал читать стихотворение: «Вошел в парикмахерскую, сказал спокойно: „Будьте добры, причешите мне уши“», — по-моему, так, стихотворение Маяковского⁹. Или «остригите уши», нет, «причешите», наверное (*смеется*). Читал он очень хорошо, потому что, как я поняла, он даже учился в театральном институте. Вообще, был очень элегантен, ходил в шляпе, так элегантно набок сдвинув, очень красиво перекидывал шарф, собака на поводке, с папиросой. В общем, по-моему, в него были очень многие влюблены, в Даниэля.

А потом мне там надоело. Мне вообще везде все надоедает. Я в своей жизни бросаю все подряд. Мне там надоело, я снова перешла в 612-ю, под закат. Вот и все.

Е. Г.: К концу обучения.

⁸ Строчка из поэмы Александра Блока «Возмездие».

⁹ Вошел к парикмахеру, сказал – спокойный:
«Будьте добры, причешите мне уши».

Дом пионеров и кружок художественного слова

Н. Ш.: Да. Ну и потом в детстве, если детство интересует, я много чем занималась: тут рисованием, тут еще чем-то. Я мечтала быть актрисой, но папа сказал: «Наташа, лучше быть плохим инженером, чем плохой актрисой». Ну, я согласилась, но пошла в кружок художественного слова. Вам это интересно?

Е. Г.: Да.

Н. Ш.: Потому что это действительно очень интересно. Это был городской Дом пионеров. По-моему, Орликов переулок¹⁰. Это, конечно, невероятный был Дом пионеров. Оттуда много вышло и балерин, Рябкина, например, и много артистов. Там все было поставлено великолепно. И почему? В те годы очень было... Не в моде, это не в моде, а так полагалось — общественная работа. Например, ты актер МХАТа, главная роль — не главная, у тебя должна быть общественная работа, ты должен где-то преподавать. Вот мой дедушка двоюродный, Щетинин, потрясающий художник, преподавал в Доме ученых, общественно работал. Везде была общественная работа. Вот и нам в кружке художественного слова преподавали, не мне лично, а нам преподавали две актрисы: одна преподавала постановку речи, старуха, она еще с Массальским занималась, он тогда еще был жив, а вторая — декламацию, молодая актриса. Они меня очень полюбили, сказали моей маме, что «ваша дочка у нас пойдет во МХАТ без конкурса». Я читала «Сказку о царе Салтане» на выпускном (*усмехается*). Ну, это я к тому, что был Дом пионеров очень серьезный, хороший.

Е. Г.: Там разные направления были?

Н. Ш.: Разные, разные, разные: балет, театральный, кружок художественного слова. Наверняка музыкальные всякие там были. Да-да-да. Я почему-то выбрала этот.

¹⁰ Дом пионеров размещался в доме №6 по переулку Стопани в бывшем особняке купеческой семьи Высоцких. С 1993 года переулок называется Огородная Слобода.

Участие отца в воспитании

Е. Г.: Родителям, наверное, некогда было заниматься вашим воспитанием?

Н. Ш.: Ой, нет! Папы очень было много. Маме надо отдать должное, несмотря на то, что жили мы небогато, она все лишние копейки тратила. Мы пересмотрели весь классический репертуар во МХАТе, везде, переслушали все оперы, пересмотрели все балеты в Большом театре, абсолютно всё. Мы все время ходили в Консерваторию, в Малый и Большой театр. Потом библиотека, остатки остались, дом всегда тонул в книгах, и альбомы, всё-всё-всё.

Потом папа очень... Ну, не специально занимался, так незаметно влиял. Был очень смешной случай. Мне ставили горчичники, мне было лет шесть, а я кричала: «Снимите с меня горчичники!» — и редела. Вдруг он подошел к моей колыбельке, ни к селу ни к городу погрозил пальцем и сказал: «Наташа, люби Блока». Я закричала: «Буду я его любить, буду, только снимите горчичники» (*смеется*). Горчичники сняли, и я Блока очень полюбила. До сих пор приношу ему цветочек на Волковское кладбище, если бываю в Питере. Вот.

Папа очень много открыл мне поэтов. Ну, как открыл? Например, вот того же Тихонова. Я как-то — Тихонов какой-то, как-то все больше классика, классика, а тут Тихонов. Он брал, мне оттуда вытаскивал какие-то стихи сильные и читал, говорил: «Нет-нет-нет, ты давай повнимательнее послушай, не надо это так отрицать». Он вообще очень много рассказывал. Он был очень образованный человек, необыкновенно совершенно, особенно в области литературы.

Е. Г.: Удивительное это поколение старшее. Как они в себе все соединяли, успевали, интересовались.

Н. Ш.: Да, да.

Смерть Сталина

Е. Г.: А помните вы 53-й год?

Н. Ш.: Год — вот ничего не помню. Вы мне скажите, что это такое.

Е. Г.: Смерть Сталина.

Н. Ш.: Помню, конечно, помню. Должна вас разочаровать, я на похоронах не была.

Е. Г.: Слава богу!

Н. Ш.: Или я болела, или меня мама не пустила. А! Наверное, какая-то ангина. Я вообще в школе училась по полгода в среднем. У меня все время были какие-то ангины, пока мне не вырезали какие-то гланды с аденоидами. Я все время прогуливала, болела, еще симулировала и вообще автоматически переходила из класса в класс. Так что на демонстрации я не была, но все равно, конечно, я это все помню, а как же.

Е. Г.: А как ваша квартира отреагировала, коммунальная? Вы там же жили?

Н. Ш.: Из квартиры, по-моему, никто не был на похоронах. Да у нас была такая «Воронья слободка», какие похороны! Там все

перепугались до смерти, что толпа будет. Нет, в квартире никто не пострадал, все сидели в своих этих самых... А в плане реакции, конечно: вождь, Сталин, дорогой Иосиф Виссарионович.

Е. Г.: Плакали?

Н. Ш.: Все патриоты. Ну, я не помню, чтобы кто-то рыдал, может, кто-то в подушку рыдал, но никаких я не слышала, не было там радости никакой, хотя один человек сидел при Сталине. Кстати, это был муж моей тетушки. И все. Нет, больше никого, больше никого, так все были патриотами.

А был такой сосед Зиновий Давыдович. Он мне давал рекомендацию в комсомол. Меня в комсомол приняли только в десятом классе, и то через силу, я не хотела. И он так волновался. Он был членом партии. Он все боялся, что я что-то не то сделаю. И когда в коридоре каждый раз меня встречал (*говорит шепотом*): «Наташ, у тебя все нормально?» Я ему: «С чем? Что?» — «Да с комсомолом, с комсомолом. Ничего ты там еще не натворила? Все нормально?» Я говорю: «Успокойтесь, ничего». Нет, все были патриотически настроены в основном, увы! Да.

Е. Г.: Далеки от реальности были.

Н. Ш.: Да, да.

Отношение отца к политике

Е. Г.: А у вас в семье, наверное, на такие темы разговоров не вели?

Н. Ш.: Папа, откровенно говоря, не очень любил, и скажу почему. Потому что он за меня очень боялся. Более того, когда мне сказали: «Наташ, что тебе подарить на день рождения?» — я сказала: «Пишущую машинку». Папа сказал: «Нет». Я сказала: «Ну, я знаю, почему нет». Говорит: «Почему?» — «Чтобы я не печатала самиздатские сборники». Он говорит: «Совершенно верно». Но потом мне все-таки машинку подарили, даже не одну, а две. Вот.

Потом я (раньше папы, между прочим) все перечитала, все что можно, потому что я уже тогда дружила с определенной публикой, которая меня снабжала литературой.

Е. Г.: Это уже после МГУ, наверное?

Н. Ш.: Нет, это еще было МГУ. У меня уже тогда был Набоков, Ивинская американская, «В плену времени», и Солженицын. Да, у меня был такой знакомый, много было знакомых, но такой особенный, Лев Рыжов, религиозный поэт и художник. Он имел какой-то доступ к этим обменам: он — икону, а ему — книги. Он очень книгу любил. Он мне очень много подарил книг оттуда, с Запада. И я была в этом плане очень образована. Я папе сунула Солженицына «В круге первом» или «Архипелаг ГУЛАГ». В общем, мой бедный папа ходил, как лев по клетке, всю ночь по кабинету. Такое было впечатление.

О выборе профессии

Е. Г.: А выбор вашей профессии определялся семейным путем?

Н. Ш.: Ой, не говорите, тихий ужас. Я себя презираю, как не знаю кого, потому что я жуткая лентяйка. Мне лень думать, за что-то бороться, за что-то сражаться. Почему-то решили, что мне надо на геофак. Во-первых, я точно поступлю. Хотя у меня возможностей было миллион. Я окончила за три года музыкальную школу, в десятилетку прошла, могла совершенно элементарно в Консерваторию. Теперь с этим МХАТом. Учительница по литературе маме говорила: «Наташа — филолог». Дядя-художник. Были и знакомые, и способности, и все. И вот почему-то этот геофак. Но потом папа мне говорил: «Напрасно ты ругаешь судьбу. А сколько, — цинично говорит, — ты подумай, сколько ты за государственный счет путешествовала! Кто-то, интересно, был на Командорских островах, как ты?» Я действительно объездила всю страну. Командорские острова! Это лучше, чем в Париж поехать. Правда? Как вы считаете?

Е. Г.: Наверное.

Н. Ш.: Да ну точно!

Е. Г.: Я не была.

Н. Ш.: Нет, это несравнимые вещи, конечно, но тем не менее можно абстрактно сравнить. Конечно, Берингов пролив, Аляска рядом, Командоры, океан, острова — романтика! Камчатка. Я проехала всю Среднюю Азию, весь Казахстан, весь Узбекистан, Урал, всю Русскую платформу, не считая, конечно, Крым, Кавказ, Карпаты, Кольский полуостров. В общем, я напутешествовалась вдоволь, по работе, по работе. Это не как турист с палочкой. Я там работала. И мне это, если честно, дало очень много.

Е. Г.: Расскажите, как вы учились, как поступали в МГУ.

Н. Ш.: Да поступила нормально, на пятерку. По-моему, мне по благу задали какой-то простой вопрос. Да я ответила бы, по-моему, на любой, легко. Потом у меня вторая же была профессия. Я после университета вышла замуж и поступила на кафедру прикладной ядерной физики при Тимирязевской академии. Вот видите, меня радиация преследует. И я работала со стронцием-90. Это альфа-излучение очень сильное, кстати. И заведующий нашей кафедрой звал меня с мужем «супруги Юри».

Чтобы там работать, я должна была закончить курсы. Четыре месяца, пять месяцев я слушала курсы. Их читал такой Рачинский. У нас заведующий кафедрой был поляк, профессор, физик. Он потрясающе читал лекции. Или он потрясающе лекции читает, или мне физика безумно нравилась. Первый раз в жизни я на лекции ходила как в театр. Я всегда

с нетерпением ждала, когда будут лекции. Мне это было интересно. Еще даже директор в школе и тот почувствовал, который меня ненавидел за то, что я хвост ношу. Когда он узнал, что я на геофак поступаю, сказал: «Куда впадает Волга, и без тебя выучат, тебе в физику надо!» Я была потрясена, думаю, откуда же он это чувствует так.

Я сдала, значит, эти экзамены, чтобы иметь возможность работать со всеми этими аппаратами. Первый раз в жизни подготовилась к экзаменам хорошо. Обычно сплошные шпаргалки. Тут все было прекрасно, но опять мне по блату, наверное, дали какой-то легкий вопрос: устройство синхрофазотрона, один из вопросов, я помню. Ну, для вас это, конечно, я понимаю, устройство синхрофазотрона...

Е. Г.: Да.

Н. Ш.: Это по идее сложное устройство, но для меня это было как дважды два — четыре. Я помню, что я была очень расстроена, что мне этот синхрофазотрон, потому что мне хотелось блеснуть.

Пока мы с ним были, пока я не была с ним разведена, я работала на этой кафедре. Ну, не сказала бы, что это было очень интересно, тем не менее это как бы была вторая профессия.

Географический факультет МГУ

Е. Г.: Но расскажите все-таки поподробнее (мы для МГУ записываем) про геофак. Кто преподавал? Как вы учились? Там же интересная практика была у вас, да?

Н. Ш.: Геофак. Там было несколько кафедр. Вот кафедра почвоведения, геохимии ландшафта, кафедра океанологии. У них, конечно, были поинтереснее всякие практики: по морям, по океанам

Е. Г.: А вы на какой?

Н. Ш.: У меня кафедра... Раньше она называлась почвоведения, потом уже как мой отец — геохимия ландшафта. Но мне там было не совсем по себе, и я часто бегала на геологический факультет слушать лекции по геохимии. Ну, собственно, отец геохимик, у него и книжка «Геохимия». Вот.

Кафедра биологии, кафедра <нрзб>. Ой, я сейчас уже не помню. Вот. Ну чего? Были эти кафедры. Мне не нравился университет.

Е. Г.: Почему?

Н. Ш.: Хотя теоретически там все условия: бассейн, профессорская столовая, рядом с домом. Когда я ушла из университета, все решили, что мне пора в сумасшедший дом. Чтобы уйти из университета! Тем более я кандидат наук, получаю зарплату большую. Чего мне надо-то, а? На работу было устроиться трудно, но у меня были свои эти... Ну, во-первых...

Е. Г.: Но педагоги же там были тогда интересные и значительные, в то время.

Н. Ш.: Педагоги были неплохие. Был, например, такой Саушкин, Тушинский, Гвоздецкий. Мой папа тоже, конечно, там читал по совместительству. Он-то работал в ИГЕМе, но по совместительству его просили читать лекции по геохимии ландшафта. К нему на лекции всегда приходили, всегда был полный зал, все его слушали, затаив дыхание. Читал он очень хорошо. Тушинский замечательно читал, Саушкин, Гвоздецкий, Михайлов, был такой, Орлов гидрогеологию вел. Потом с геологического факультета приглашали такого Горшкова. Он по геологии читал лекции.

Были, конечно, предметы, которые совершенно были не интересны, я забыла какие: не то история КПСС, не то диалектический материализм. Вот я путаю все время. История КПСС, наверное?

Е. Г.: Наверняка.

Н. Ш.: Неужели был такой экзамен жуткий? Или диалектический материализм?

Е. Г.: Не знаю, что у вас было.

Н. Ш.: Наверное, история КПСС.

Военная подготовка

Потом у нас было военное дело, так что я лейтенант ВВС, младший лейтенант ВВС. У меня военный билет. Ну, меня это безумно развлекало, потому что я люблю маразм, обожаю, без маразма жить не могу. Если многие ворчали, то мне это доставляло истинное удовольствие, особенно когда занятия проходили на улице. Помните, у Маяковского¹¹: «Первым, страхом одолен, снялся бабий батальон»? Мы маршируем, прохожие останавливаются в недоумении: что это такое? Потом кто-то падает в обморок, несут носилки, играют в скорую помощь. Я помню, меня заставили упасть, я говорю: «Слушайте, я много вешу, давайте кого-нибудь похудее, чего же меня-то...» Правда, я еще такой толстой не была. «У вас какая травма?» — меня спрашивают. Я говорю: «Душевная» (*смеются*). В общем, так развлекались. Вот.

¹¹ У Маяковского – «боязнь одолен».

Полковник Туманишвили меня терпеть не мог. Во-первых, я отдавала честь левой рукой, потому что я левша. Конечно, я могла правой рукой, но мне это было неудобно. А он считал, что я над ним издеваюсь. Но я до конца дней отдавала честь левой рукой, и он меня не переваривал из-за этого. И еще за то, что я ходила на каблуках.

Е. Г.: Не положено было?

Н. Ш.: Он кричал: «Шмелькова, где вы видели, что в армии ходят на каблучках?» Я говорю: «Пожалуйста, я вам завтра принесу „Три мушкетера“ хотя бы, книгу с иллюстрациями, там сапожки с каблучками». Ну, у меня, правда, повыше. Но самое интересное то, что, не любя меня, он ко мне изумительно относился, когда встречал меня в кулуарах, в проходной, там, где соки продают. Я иду, идет: «Ой, кого я вижу! Кого я вижу! Наталью Александровну!» Я думаю: «Боже мой, что это за перевоплощение такое?» Как занятия — всё. Я его доводила. Даже, по-моему, он меня не хотел допускать до госэкзамена один раз. Вот военное дело было, да.

Практику мы проходили на аэродроме, не то Тушинский, не то Быково, вот отдаленный, наверное, Тушинский. Там еще работал Василий Сталин, сын Сталина. Нам про него рассказывали кучу интереснейших историй, как он издевался над всеми, заводил замок личный в туалет. Там бегали генералы за кусты, а у него был туалет со своим замком. Вообще, он творил черт знает что, Василий Сталин.

Самое смешное было, что когда мы туда приезжали... Мы там должны были делать синоптические карты, почему лейтенанты ВВС — военно-воздушных сил. Мы делали синоптические карты, рисовали циклоны, антициклоны, летные погоды, нелетные. В общем, своя наука. Было очень смешно: когда мы приезжали, почти все всегда были пьяные. Ну, не пьяные, а сидели выпивали все, весь состав причем, пиво или водку, не знаю чего. Конечно, им бы от нас отделаться поскорее, и они совершенно откровенно говорили: «Вот вам карты тех, кто были, быстро перерисовывайте и отваливайте». Вот и все. Но поскольку я всегда любила поговорить, я все-таки заводила какую-то беседу, и мне все-таки что-то такое рассказывали про Сталина или еще чего-то.

О нелюбви к университету и кандидатской диссертации

Но самое жуткое было, что мне не нравилось в университете. Во-первых, я ненавижу дисциплину. Дело в том, что я сова. У меня работоспособность появляется к четырем-пяти часам. Я могу, сейчас уже нет, конечно, а раньше могла три ночи не спать, в полном смысле слова, если я была увлечена работой, картину писала или текст. То есть максималистка такая. Утро — это для меня было ужасно. Естественно, я плевала на все правила приличия, хотя это было очень нехорошо, поскольку дочь профессора, неудобно было выделяться, но я ничего не могла с собой сделать. Я в университет приходила не раньше часа-двух часов, что вызывало жуткую ненависть моего бездарнейшего начальника.

Е. Г.: Это на работе уже?

Н. Ш.: Да. Который к тому же не был кандидатом наук и получал меньше зарплату. Его это раздражала совершенно, хотя должна сказать, что за всю свою жизнь, сколько я живу, еще не было ни одного случая, чтобы я кого-нибудь подвела, что касается работ. Монографию мы кончаем — я брала на ночь. Один раз я принесла редактировать монографию в баню, надо мной все хохотали. Это Луговская(?) мне говорила: «Деточка, ты себя отредактируй, пусть все говорят: „Как Шмелькова гениально пишет“. Что ты редактируешь какого-то Проскурякова своего, идиота-начальника». Вот. Если что, я брала домой. Все секунда в секунду у меня всегда было блестяще.

Меня очень любила Мария Альфредовна Глазовская, заведующая кафедрой. Она выдающийся ученый. Она мне сказала: «Пока я жива, делай докторскую диссертацию. Что тебе стоит из кандидатской сделать докторскую?» В аспирантуре я не училась три года. Я кандидатскую написала за четыре месяца, причем написала ее тайно.

Е. Г.: От кого тайно?

Н. Ш.: От папы. Я ему хотела на юбилей сделать подарок. Ночью я легла на пол, на ковер, потому что мне стол тесный, я не люблю, когда бумажки какие-то... Меня все это раздражает жутко, мне нужен простор. Я легла на пол, все так раскладывала вокруг. Иногда, открою секрет, даже покупала что-нибудь выпить, коньячку для бодрости — и прекрасно работала. И когда я день в день принесла папе эту диссертацию, он ничего не мог понять, хотя он очень любил говорить, глядя на меня: «Солдат спит, а служба идет». Как он только ни заглянет в мою комнату, я всегда лежала с книжкой. Он говорил: «Да, солдат спит, а служба идет». Когда я принесла ему диссертацию, он был крайне удивлен, когда я ее успела, как он говорил, «наварсхаться».

Е. Г.: А диссертация о чем была?

Н. Ш.: «Геохимия микроэлементов...» У меня реферат есть даже. «Геохимия микроэлементов в корях выветривания Русской платформы»¹², что-то такое.

Е. Г.: Как сложно!

Н. Ш.: Да, у нас такие были темы. Это никакая не география, не почвоведение — геология.

¹² Тема кандидатской диссертации «Геохимия микроэлементов в процессах засоления древних кор выветривания и неогеновых отложений Казахстана».

Е. Г.: А чем вы занимались в МГУ, когда уже работали?

Н. Ш.: Разработкой методов поисков месторождений, изучением всяких геохимических барьеров, то-сё.

Е. Г.: Продолжали папину линию?

Н. Ш.: Да, конечно, конечно. География — это я вообще не знаю, что это за наука. Я до сих пор не знаю, чем она занимается. Ну, называется так факультет и называется. А тут все конкретно: геология, химия, понятно, что за чем. Мы работали с геологами, с геофизиками совместно, как правило. Да, это в основном геологические, геохимические работы.

Поездка на Командорские острова

Е. Г.: Какие наиболее яркие, запомнившиеся у вас были поездки, командировки? Что-то сейчас вспомнится?

Н. Ш.: Понимаете, тут смотря как подходить. Тут же много показателей: или природа, экзотика, или отдаленность, или там еще чего-то.

Е. Г.: Ну, чтобы рассказать можно было.

Н. Ш.: Ну вот так, в плане романтики, конечно, Командорские острова. Причем меня все очень удивили, потому что предлагалось пяти-шести человекам поехать, и согласилась одна я. Еще со мной поехал студент мой. Я его проклинаю по сей день, хотя он очень хороший мальчик, но лучше бы его не было, некий Андрей Севенард. Помните Асуанскую плотину, Севенард ее строил такой. Вы не помните, конечно. Это его сын. Очень интеллигентный милый мальчик Андрюша, но это, конечно, тихий ужас. Мне за него приходилось и лопатой <нрзб> обнажение защищать.

Я помню, мы пошли сорок километров пешком до лежбища котиков. Нас подняли в пять утра. Местность болотистая, надо было пройти сорок километров, примерно так, чтобы посмотреть лежбище котиков. Это дикие животные, не хуже медведя, и там, конечно, все загорожено, дикие изгороди. Они все ходят в шрамах, потому что они дерутся за своих самок, у них гаремы. Если издали смотришь на их лежбище, пятнами это все лежит: лежит самец вокруг этих своих жен. Причем их зверски убивали: палкой по голове, чтобы не портить шкуру. Я даже об этом говорить не могу.

Е. Г.: А какое там местное население?

Н. Ш.: Местное? Да черт его знает. Мы общались с русскими. Вообще, там практически местного населения-то особо никакого я не видела. Ведь это же граница. Я туда оформлялась, знаете, это какой это был? Год смерти Высоцкого. Когда Высоцкий умер?

Е. Г.: Конец 70-х или начало 80-х¹³? Я не помню точно.

Н. Ш.: Вот почему я это помню? Потому что я ехала на такси из аэропорта и спросила водителя: «Что в Москве твориться?» Он сказал: «Умер Высоцкий».

Е. Г.: Не помню год. Помню, что конец июля, кажется, а год...

¹³ Владимир Высоцкий умер 25 июля 1980 года.

Н. Ш.: Ну вот, то есть это до перестройки, тогда за границу было оформиться, извините, а тут Командоры — два шага до Аляски, это всего сорок километров. Это лопари могли, им разрешалось каким-то образом на санях до Аляски, или там шкурами обменяться за бутылку, или еще чего-то. А вообще-то там особенно и населения никакого не видели, практически пустынные районы.

Е. Г.: Как вы добирались?

Н. Ш.: Сначала, по-моему, все-таки мы ехали на поезде, а потом через океан ночью на пароходе, причем не было мест. Мы сначала спали на полу с Андреем, подперев головой дверь ресторана. Я сказала: «Андрей, вы как хотите, я лично не собираюсь подпирать своей головой дверь ресторана. Я пойду наверх». А наверху тихий ужас: несется этот корабль на всех парусах, Тихий океан, вокруг небо, темнота. Я пошла. Он, как теленок, за мной пошел, бедненький. А там оказалась группа эстонцев. Они поехали на Командоры. Есть такая профессия, по-моему, она называется орнологи(?). Видите, что у меня с памятью. Орнологи(?), наверное, что-то типа этого. Они по крикам птиц определяют землетрясение, которое может быть. И вот ехала группа этих эстонцев. Я помню, они ехали с гитарами, их человек пять-шесть. Они были одеты, конечно, не как мы. Какие-то у них были куртки пуховые, у них был спирт, не водка, а спирт, причем не в бутылках, у них все было интеллигентно. Зачем тащить стекло, тяжесть. У них это было в целлофане запечатано, чтобы не было лишней тяжести. Вот он вынимает, у него такая подушка, она полная спирта. Они всю дорогу пили этот спирт и нас угощали. Ни у кого ни в одном глазу, абсолютно, потому что, во-первых, адский холод, пронизывает ветром...

Е. Г.: Это какой сезон был?

Н. Ш.: Это было, я думаю, лето. Пили этот спирт, песни, все как стеклышко. Потом вдруг ко мне подходит какой-то мужик уже на берегу: «Вот, видите, на берегу стоит мужчина?» Я говорю: «Вижу». — «Он вас не пустит на берег, вы не волнуйтесь. Это закрытые зоны, и ваши печати — это вот тьфу!» Я перепугалась, думаю: «Ничего себе!» Оформляться было безумно трудно: милиция и еще что-то — хуже, чем за границу, это все еще до перестройки. В общем, все он наврал. Пропустили нас, правда, что-то там порасспрашивали.

Спускали очень интересно: в сетке, как рыбу. Мы садились в сетку, в сачок, вот как вынимают рыбу из моря, там кефаль или еще что-то. Нас спускали в сетке на кране, на берег выбрасывали.

Е. Г.: Пристани не было?

Н. Ш.: Да. Вот так мы высадились на берег. Нас отвезли на каком-то газике, мешки спальные положили любезно. Поселили во что-то типа гостиницы или еще чего-то. В общем, делать было нечего на этих Командорах. А на Камчатке я работала. Я там собирала образцы, смотрела обнажение вулканов. Я уже там читалась литературы. Я приехала в Москву, отчет отдавала научный с образцами.

Е. Г.: Там красота же, да?

Н. Ш.: Да. Командоры — это уже был как подарок, в общем, а на Камчатке я работала в полном одиночестве. Представьте, все идиоты отказались. Я не понимаю, что за люди, а? Для меня это непонятно совершенно до сих пор.

На Командорах было чудесно. Значит, этот Андрей... Я нашла какую-то дыру и пролезла в лежбище котиков, я рисковала жизнью. И кричу этому Андрею: «Андрей, фотографируйте меня скорее!» Я уже в позу встала, чуть ли не объятья с котиком. И у него не то аппарат чуть ли не сломался, я его чуть не убила. Ничего он... Зачем он поехал, совершенно непонятно:

ни обнажение не защищал, ничего не делал, ходил с таким... Хотя бы раз у него были восторженные глаза от увиденного. Это ужасно меня раздражало. Вообще, путешествовать надо одной, я пришла к выводу.

Наталья Шмелькова. Фото предоставлено Н. А. Шмельковой

О других экспедициях

Е. Г.: У вас экстремальные были направления.

Н. Ш.: В смысле?

Е. Г.: Ну, вот эти острова, потом Камчатка.

Н. Ш.: Да. Якутия, тайга, Средняя Азия.

Е. Г.: А в тайге что вы делали?

Н. Ш.: А в тайге бором мы занимались. Тоже месторождения, гидрохимия, изучение вод, условия образования месторождений, вот так. В Якутии.

Е. Г.: То есть вы там поселялись на какое-то время?

Н. Ш.: В тайге жили, в самой тайге.

Е. Г.: А что, там домик был? Какие там?..

Н. Ш.: Никаких домиков.

Е. Г.: Палатка?

Н. Ш.: Палатка, да. Причем там континентальный климат. Утром ты в майке, а ночью в ведре замерзала вода. Мы ночью в палатки втаскивали раскаленные на костре камни. Я помню, я пошла в туалет ночью, наступила ногой на раскаленный камень и разбудила криком всю палатку. У нас была общая, мужская и женская, не всегда, а когда в таких экстремальных условиях, когда надо было нагревать все. Один раз заблудилась, медведя видела. Ой, много чего было!

Впечатлений была масса, так что на университет жаловаться грех, хотя, конечно, я на него потратила много времени. Защитила эту диссертацию, зачем я не знаю. Ну, я думаю, кому-то она нужна, кто-то это же читает, там и статьи научные. Вот. Ну, для себя, конечно, я получила впечатления, безусловно.

Е. Г.: Ну, вам было интересно.

Н. Ш.: Да, я путешествия безумно люблю. Видите, я сейчас не могу, к сожалению: спина болит. Я очень хочу поехать на Огненную Землю. Мне говорят: «Наташа, ты куда, с костылями?» Я говорю: «Я поеду». А это очень просто. У меня были две художницы в гостях, одна из них была на Огненной Земле одна. Это доезжаешь не то до Рио-де-Жанейро, не то Буэнос-

Айрес, кто там? Южная Америка, западное побережье, какой там город? Прикиньте. Ну, в общем, понимаете где: Южная Америка, западное побережье, где-то уже внизу. И там тебе дают сразу у самолета Икарус, и вы на Икарусе приезжаете на Огненную Землю. Как вам это нравится? Я сразу же разочаровалась. Потому что я Огненную Землю полюбила с пластинки Вертинского. Помните, он пел: «В синем и далеком океане, где-то возле Огненной Земли...» Мне казалось это так романтично: слепые капитаны, караваны опускаются на дно, — а тут какой-то Икарус. Я говорю: «Нет, я еще подумаю, я не поеду». Вот.

КГБ в университете

Ну, в университете еще угнетала эта дисциплина: приди — уйди. Но самое жуткое — это, конечно, КГБ. Я не знаю, насколько вас эта тема волнует.

Е. Г.: Всех волнует. Но это уже были предоттепельные годы?

Н. Ш.: Не знаю, какие годы. По-моему, это было всегда. Это было ужасно. Я об этом предполагала всегда, но тут это было просто... Такой случай. Мне как-то одна моя... Я не буду называть ее фамилию, в нашей группе она была. Ее вызвали на восемнадцатый этаж в деканат, и она мне говорит: «Наташ, пойдем со мной сбегаем, мне одной скучно». Я говорю: «Пойдем». Я ее жду полчаса, час, полтора часа. Вдруг она вылетает красная, как рак, на глазах слезы. Я говорю: «В чем дело?» — «Ни в чем». Я говорю: «Нет, в чем?» — «Ни в чем». Я чувствую, что-то не то, у меня интуиция. Я говорю: «Я от тебя не отстану». Я вообще никогда не пристаю в жизни, если человек не говорит — ради бога. Но тут я просто чувствую что-то, я говорю: «Нет, ты рассказывай». Ну, декан ей предложил быть стукачкой в группе. А если она откажется (у нее отец работал в поликлинике университетской, врач), то будут неприятности ее отцу: уволят с работы и так далее.

Е. Г.: Да, как тут быть?

Н. Ш.: А я говорю: «Зря ты отказывалась. Ты отказалась, теперь кого-то возьмут, мы не будем знать, кого. А так я тебе подсказала бы, чего там говорить, чушь всякую». Потому что меня саму вызывали три раза в КГБ, я вам клянусь памятью родителей, что я выскочила три раза благодаря Звереву, художнику, и его школе: играть в дуру. Вот честно! Три раза сыграла в полную идиотку, ну не в такую, сами понимаете, со странностями. Вот. Если захотите, расскажу.

Е. Г.: Конечно.

Н. Ш.: Сейчас?

Е. Г.: Ну как хотите.

Н. Ш.: Нет, мы сегодня устали.

Е. Г.: Это было в университете?

Н. Ш.: Это было в университете. И меня лишили секретной... Кстати, последний мой враг никогда на меня плохо не подумает, никогда, потому что... Знаете, это мания: все кагэбэшники, все кагэбэшники, все друг друга подозревают до смешного. Но хоть я в этом плане совершенно спокойна, потому что меня лишили допуска к секретным документам при моем знаменитом папе, а при переаттестации меня понизили в зарплате. Извините, если я кагэбэшница, то зачем меня так наказывать, да еще дочь Перельмана. По-моему, этого достаточно в мою пользу, да. Ой, это долго, давайте в следующий раз про это немножечко.

Е. Г.: А я еще хотела спросить, но...

Н. Ш.: А давайте другое, потому что это немножко надо переключиться. А вы запомните: КГБ.

Всемирный фестиваль молодежи и студентов 1957 года

Е. Г.: Да, обязательно. А 57-й год запомнился?

Н. Ш.: Только скажите, что это такое.

Е. Г.: Фестиваль молодежи и студентов.

Н. Ш.: А, ну конечно! Запомнился, но не очень. Считайте, я с 42-го, мне было пятнадцать лет. Я еще была такая скромная девочка, но я помню, как все разнаряживались. Я помню, как были в моде широкие юбки всякие, цветастые, широкие. Все наши соседки квартирные наряжались, бегали. Одна соседка, напротив меня жила, Галька Кацва(?) даже отважилась, пригласила иностранцев, французов и еще кого-то. Они, по-моему, были в ужасе от нашей квартиры, увидев этот туалет, а она там чиркает, она этого ничего не понимает (*смеется*). Они были в ужасе от наших условий, что это такое. Но это все ерунда. Многих выселили из Москвы, как вы знаете: и алкоголиков, и наркоманов, и антисоветчиков. Многих выселили куда подальше во время фестиваля, очистили Москву. Вот. Молодежь наряжалась, веселилась. Вообще, мимо меня это прошло, никакие юбки я себе не шила. Фестиваль — и фестиваль.

Е. Г.: То есть вы не наблюдали эти все проезды гостей?

Н. Ш.: Каких? Иностранцев в квартиру?

Е. Г.: По центральным улицам когда.

Н. Ш.: Каких проездов?

Е. Г.: Грузовики же раскрашенные ездили.

Н. Ш.: А! Нет, видела, видела.

Е. Г.: Ликование народное.

Выставка художников-авангардистов в Манеже

Н. Ш.: Да, видела, конечно, конечно. Не знаю, почему, но как-то я не могу сказать, что на меня это произвело какое-то... Вот странно: на меня, например, большее впечатление произвел хрущевский погром.

Е. Г.: Это дальше было.

Н. Ш.: Хрущевский погром позже был. Хрущевский был в 80-м году. Хрущевский погром был, когда я училась в десятом классе.

Е. Г.: В 58-м, наверное.

Н. Ш.: Значит, в десятом классе, это надо подсчитать.

Е. Г.: XX съезд...

Н. Ш.: Школу кончила я когда? Когда я школу кончила? 42-й — родилась, 48-й — я поступила в школу, 58-й — закончила. 60-й год где-то.

Е. Г.: XX съезд вы имеете в виду?

Н. Ш.: Ну, не знаю, 60-й год.

Е. Г.: Конец 50-х.

Н. Ш.: Да, 59-й — 60-й год¹⁴. Тогда я была не то в десятом классе, не то в первом...

¹⁴ Речь идет о посещении Хрущевым выставки художников-авангардистов в Манеже 1 декабря 1962 года.

Вот это мне очень запомнилось, потому что я там была, и я видела в Манеже правительство, и я там стихотворение написала экспромтом, крамольное, проклиняющее Серова, Герасимова и прославляющее Фальку. Я могу даже кусочек вам прочитать, отдельные строчки. Меня на эту выставку взял знакомый нашей семьи, был такой Виктор Исаевич Таубер. Он был художник, детский художник, но прогрессивный художник, потому что он детские рисунки рисовал не в таком суперреалистическом стиле, а он делал экспрессионистические рисунки. Он такой первый художник-экспрессионист детских рисунков. У меня есть его книжечка. Ну, потрясающий человек, оставил мемуары после себя изумительные. И он меня взял на эту выставку. И он взял с собой, в кармашек своего элегантного пиджака пузыречек клея, чтобы в книгу отзывов вклеить кусок Эренбурга о Фальке. А тогда вышел Эренбург «Люди, годы, жизнь», где Эренбург писал и о Фальке тоже. А в Манеже висела «Обнаженная» Фалька. Вы помните эту картину?

Е. Г.: Да.

Н. Ш.: Это его парижский период. И было очень смешно слушать, мы с Виктором Исаевичем, он говорит: «Наташа, меня тут все знают. Я буду вклеивать этот отзыв Эренбурга о Фальке, ты следи, чтобы КГБ, — у всех было это КГБ прямо до смешного, что там КГБ, тут КГБ, — не стояло рядом». Я говорю: «Ладно, да». Мы стояли. Помню, Никонову влетело, «Геологам», Эрнсту Неизвестному, много кому, Фальку тоже нагорело за «Обнаженную».

Я помню смешной такой случай. Значит, стояли две толстые тетki против Фалька, и одна другой говорит: «Слушай, разве такие уродины в жизни бывают?» А сзади них стоят два парня, один другому говорит: «Слушай, если их раздеть, по-моему, они еще хуже». А я написала длиннющее стихотворение, длиннющее, прямо на выставке, там строчки такие были по этому поводу:

Покоробила общество «Обнаженная» Фалька.

Кричали: «В жизни таких не бывает!»

А вы разденьтесь, гражданка Манька,

И докажите, что не бывает!

Ну и пошли мы это все клеить с Виктором Исаевичем. Значит, он дрожащими руками клеил своего Эренбурга в ожидании кагэбэшников, но никто не подошел. Один япощка подошел, так шейку свою тоненькую наклонил: «О, Эренбург, Эренбург!» — и пошел дальше (*смеются*). А я как страж стою. А потом этот сухой лист(?) разрывала на две части и две страницы. Вот. Действительно, это было событие. Я знаю продолжение, что было: тот же Жутовский рассказывал. Он же принимал участие с Эрнстом в постановке памятника Хрущеву. В основном это все-таки памятник Эрнста Неизвестного. Жутовский как-то к этому, по-моему, приклеивается, да? Ну, неважно, какая разница, в общем, Эрнста.

Вот это событие я помню, потому что я в нем принимала участие — раз, я все видела — два, меня все интересовало — три, меня интересовали картины, скульптуры, и еще Виктор Исаевич со своим Эренбургом, и клеем, и с КГБ, и мое стихотворение — вот это было да! Вот.

А сам фестиваль — на меня большее впечатление производили рассказы моих друзей. Потому что это, действительно, было великое событие для художников. У меня есть книжка, вы ее не видели, да, «Анатолий Зверев в воспоминаниях современников»?

Е. Г.: Видела.

Н. Ш.: Видели? Вот там многие описывают этот фестиваль, который многим перевернул не только душу, даже не душу, а просто все в их творчестве, потому что они увидели, что теперь можно писать по-другому, чем раньше. Об этом Яковлев рассказывает, тот же Зверев. И открытие Поллока и так далее. Это, действительно, было грандиозное событие, вот этот фестиваль. Выставка! Выставка!

А юбки эти, грузовики... Ну конечно, Москва, видно было, что происходит что-то. Но я не могу вот так ярко рассказывать о своих впечатлениях. А может, я даже куда-то на время, может, за городом была. В общем, у меня это как-то размыто.

Е. Г.: Вы слишком юные были еще.

Н. Ш.: Ну, шестнадцать лет, да. Я думаю, что день-два вообще где-нибудь отсутствовала. Ну, помню, как приходили иностранцы в квартиру, наряды... Сестрица моя двоюродная тоже что-то нашивала себе, никогда тряпками не интересовалась, а тут она себе сшила черт знает что, такую юбку, что Париж можно было весь прикрыть ею (*усмехается*).

Ну, для художников, для искусства это, конечно, было событие потрясающее, очень яркое, и нужное, и важное. Да?

Павел Литвинов

Е. Г.: Конечно. Думаю, да. В университете у вас уже была компания такой немножко богемы культурной?

Н. Ш.: Да, конечно. Вообще, как-то в жизни странно. Смотрите, вот школа, даже Даниэль, пусть не мой учитель, но уже вот то, что в школе... Я мистик по натуре, вот какой-то знак. Пусть не преподаватель, да, но вот какой-то знак для меня, что Даниэль в школе. В университете я дружила, дружила — громкое слово, тем не менее тесно общались, на ипподроме в основном, с Пашей Литвиновым. Вы знаете, кто это такой, да? Можно сказать... Ну, дружили — я к этому слову отношусь очень строго, к слову «друг». Все кругом друзья, особенно сейчас у Зверева все друзья. Я слышать этого не могу. Вот. Ладно, в общем, знакомые были хорошие, ездили вместе на ипподром. Я хорошо угадывала лошадей. Меня всегда умоляли ехать на ипподром, чтобы я показывала, какая лошадь придет, и я указывала тому же Паше Литвинову.

Потом он рассказывал, что «вообще мне никто не звонит, мой телефон прослушивается, за мной все время ездит машина по пятам легковая». Рассказывал, как его вызывали в КГБ, как его деду было бы стыдно за него, и как Паша сказал: «Мой дед гордился бы за меня». И Паша ничего мне лично... Мы были младше Паши и всей этой компании. Нам вообще ничего не говорили про демонстрацию на Красной площади. Может, я сама бы пошла. Кстати, по своему характеру могла бы. Но никто об этом... Вообще ни слова не произносилось.

Я помню, я случайно встретила с Пашей Литвиновым у метро «Кировская», и он говорит: «У тебя деньги есть?» Я говорю: «Да какая-то мелочь». — «У меня тоже. Давай скинемся, надо что-то купить выпить, и зайдем в одну квартиру». Мы скинулись, купили какого-то вина, зашли в эту квартиру. Я сразу что-то почувствовала. Какие-то таинственные, очень интеллигентные лица, очень. Опять это слово «интеллигентный», которое я терпеть не могу. Такие значительные лица, какие-то очень таинственные. Я почувствовала, что какие-то заговорщические. Это было незадолго... Ну, немножечко чего-то потанцевали, чего-то там танго для вида, что-то выпили по глотку, о чем-то они говорили полупшепотом. Я даже не поняла, зачем я, собственно, пришла. Ну, встретились, пришли за компанию. Это уже было перед этим самым событием.

Е. Г.: Неизвестно, что за квартира была?

Н. Ш.: Это было в центре, недалеко от метро «Кировская». Вот это я точно помню. И я по обстановке поняла, что что-то не то. И Паша никому не говорил. Да, только потом он уже стал говорить не звонить, все прослушивается, машина за ним ездит, то-сё. И я его очень хорошо помню. Кто бы мог подумать, что он пойдет на Красную площадь. Он ходил в такой рыжей кожаной куртке, рыжий сам, прыщеватый, всегда улыбался, с таким пухлым ртом. У него всегда с лица не сходила улыбка, не виноватая, а как это, такая добродушная, даже не знаю, как ее охарактеризовать. В общем, на борца он не походил никак.

Я была крайне удивлена, когда услышала, что он был в этой компании. Потом я из них знала Вадика Делоне, тоже не так близко, но общались, когда устраивались вечера с Губановым и со всеми другими. В общем, это был уже университет, это уже жизнь университетская, все эти события, знакомые и так далее.

Увольнение из университета

Из университета я ушла в 88-м или 89-м году всего на всего.

Е. Г.: То есть уже в конце советской эпохи?

Н. Ш.: Да, да-да-да-да. До этого я все это терпела. Многие знакомые просто поражались: «Как ты можешь совмещать?» Хочешь — не хочешь, как бы я там прогуливала — не прогуливала, все равно я преподавала, я к этому относилась ответственно, никогда не пропускала ничего. Студенты меня обожали, все нормально. «Как ты можешь все совмещать?»

Е. Г.: А папа ваш как относился к этим компаниям? Он в курсе был?

Н. Ш.: Переживал.

Е. Г.: Опасался за вас?

Н. Ш.: Он опасался. Он терпеть не мог, когда я говорила о политике, и именно по тем самым соображениям, что он за меня очень боялся, потому что язычок у меня был о-го-го! Мне ничего не стоило анекдот рассказать и ляпнуть что-то и на улице, и в университете, и вообще где угодно. В университете на меня лежала вот такая папка в спецотделе, как мне потом рассказали. Еще плюс крещение в церкви, вдобавок преподаватель университета.

Е. Г.: Ужас!

Н. Ш.: Да.

Е. Г.: А почему они не поднимали дело? Из-за отца вашего?

Н. Ш.: Ну, может быть, может быть. Или я была на хорошем счету как преподаватель. Я преподавала хорошо, меня студенты любили, и меня считали способной к наукам. Заведующая кафедрой говорила, что я диссертацию блестяще защитила. Сама-то я не знаю, я себя не слышу со стороны, говорят, очень хорошо. Ну и папа, конечно. Я думаю, что если бы не папа, то вышвырнули бы пораньше. Но тут я сама ушла. Тут было, значит, так. Во-первых, Веничка Ерофеев безумно переживал, что я уезжаю в экспедицию. Он без меня не мог находиться ни секунды, безумно.

Е. Г.: Я бы хотела, чтобы в следующий раз про него подробно.

Н. Ш.: Да, да. И про КГБ какие-нибудь случаи интересные.

О характере отца

Е. Г.: Да. А сейчас эту часть закончить. А родители ваши с кем дружили? У них был научный круг или литературно-художественный тоже?

Н. Ш.: У папы в основном был научный круг. Но самое интересное, что его обожали... Это редко бывало, когда ко мне заходили. Плавинский, гениальный ученый¹⁵, известный во всем мире, Веня один раз тут был, Плавинский два раза здесь был, Лев Рыжов был, тоже диссидентствующий религиозный поэт и художник, еще из женщин кто-то. Самое интересное, что они с папой находили молниеносно язык, не просто общий язык, а сидели тут у стола. Плавинский идет, говорю: «Дима, сюда не входи, тут папа работает». Иду мимо, смотрю: «Ля-ля-ля-ля-ля-ля», — и прямо все взалхлеб, взалхлеб. Один раз Плавинский мне позвонил из Америки. Два часа со мной говорил. Я говорю: «Дима, мы с тобой не в таких отношениях, чтобы на меня тратить такие деньги по телефону». А он говорит: «А я о твоём отце вспомнил».

¹⁵ Оговорка. Дмитрий Плавинский был художником.

Е. Г.: То есть он притягательный был для них человек?

Н. Ш.: Да. И он сам чувствовал людей. Вот хоть Плавинский был под градусом, но все равно по лицу-то видно, кто есть что. Вот. И Веничка ему очень понравился, а папа Веничке очень понравился. Папа очень притягивал. Вообще, он был очень демократичный, со всеми вел себя одинаково, что с уборщицами, что с академиком, что с рабочим, что с президентом, абсолютно со всеми одинаково. Ну а если еще симпатия такая, как с Плавинским, который оторвал его от работы. Да, это было удивительно.

Снова о соседях по коммунальной квартире

Е. Г.: С уборщицей, вы упомянули, была смешная история в вашей коммунальной квартире.

Н. Ш.: Насчет чего?

Е. Г.: Как там уборщица свалилась...

Н. Ш.: С унитаза. Тетя Тоня. Я ее, правда, по-другому назвала. Да, залезла с ногами и упала. Суд устроили. У нас был суд квартирный. Если кто чего не то, устраивали суд.

Е. Г.: Поломала что-то.

Н. Ш.: Да, что-то поломала, я на суде не присутствовала.

Е. Г.: Еще вы писали, что эта артистка мхатовская пародировала всех, к вам приходила.

Н. Ш.: Ой, это было гениально. Это наш сосед Алик женился. Он был очень тщеславный. Ему нужно было жену какую-то необыкновенную, чтобы она была и красивая, и какая-нибудь актриса или еще кто-нибудь. И он привел эту красотку. Элла Позднякова, татарка, красивая, действительно, женщина, играла во МХАТе, даже какие-то главные роли. Например, играла Флоренс Диккенс, потом в «Золотой карете» какую-то главную роль. Вообще, бездарная, ну, неважно.

Она только мне симпатизировала. Она как придет вечером, еще не всегда грим снимет — и ко мне сразу в комнату, и начинает: кто как хромает, кто как чихает, кто как это, злобно. А соседи подслушивали у двери частенько, особенно Берта, и утром со мной сухо здоровались, а я всегда хохотала. Когда она уезжала, она с этим Аликом разводилась, он купил ей квартиру, она пришла со мной прощаться: «Наконец, я покидаю вашу Воронью слободку». Я говорю: «Эллочка, наша Воронья слободка, по-моему, из тебя сделала Ермолову». Ну, имея в виду ее репетиции многочисленные в моей комнате, потому что материал был богатейший. Да, было такое.

Е. Г.: Занятные персонажи встречались.

Н. Ш.: Да. Да я вообще считаю, что в мире неинтересных людей нет, что все интересные, кого ни возьми, даже самые примитивные. Если как-то копнуть, в каждом человеке есть что-то интересное, обязательно, так мне кажется, по крайней мере.

Е. Г.: Конечно. Ну что, Наталья Александровна, наверное, сегодня все.

